

УДК 316.75(476) + 1(470)(091)

Б.М. Лепешко

ИДЕИ ПЕТРА ЧААДАЕВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

В статье проанализированы те идеи Петра Чаадаева, которые имеют прямое отношение к процессу формирования национального самосознания в нашей стране. Среди них – критическое отношение к собственной истории, выстраивание на основе такого рода критики концептуальных методологических положений. Обращено внимание на соответствующий белорусский контекст. Высказанная русским мыслителем концепция носит методологический характер и может быть востребована в рамках современного общественного сознания. Обоснована важность тех идей мыслителя, которые он полагал универсальными.

Любовь к истине важнее любви к родине
Пётр Чаадаев

Закономерно недоумение: какое отношение русский кавалергард начала XIX века, друг А. Пушкина, автор «Философических писем» и «Апологии сумасшедшего» имеет к становлению, развитию белорусского самосознания? Уж не перепутал ли автор омегу и Онегу, Конта и Канта, Сартра и Шартр? Нет, не перепутал. Да, прямо, непосредственно Пётр Чаадаев вряд ли может быть причислен к белорусским интеллектуалам, деятелям белорусского культурного возрождения. Он лично (как интеллектуал, мыслитель) не стоял у наших философских, культурных, мировоззренческих истоков. Но филиация, развитие идей часто идёт, движется столь запутанными, извилистыми тропами, что до сих пор удивляются, почему у нас столь известен, например, один мыслитель, одни доктрины, идеи и совершенно забыт, не изучается и не популярен иной. Можно объяснить, почему популярен Владимир Соловьёв, но сложно сказать, в связи с чем столь мало обращаются к наследию Константина Леонтьева. Удачно аргументируют актуальность идей Иммануила Канта, но сложно объяснить непопулярность философских, философско-исторических реминисценций Фридриха Шиллера. А ведь идеи Петра Чаадаева – это и наши идеи, в том смысле, что мы в тот период жили в рамках одной страны – Российской империи. У нас было одно культурное пространство. В том смысле, что его мысли – это мысли, имеющие прямое отношение к становлению славянского, восточнославянского самосознания. Причём единство определяется не только национальными границами и заклинаниями о суверенитете, есть и единство традиций, единство истории, единство государственное (в прошлом), единство ментальное и мировоззренческое, единство крови, наконец. Что и сегодня (об это будет говориться ниже) его размышления прямо влияют на развитие не только русского, но и белорусского, украинского самосознания.

Констатация филиации идей, подчёркивание глобальной связи доктрин, высказанных мыслей, текстов («рукописи не горят»), конечно же, не самоцель. Представляется важным, интересным вычленивать, выделить те идеи великого русского мыслителя, которые имеют прямое отношение к становлению и развитию белорусского национального самосознания, те мысли, которые можно использовать в качестве методологического инструментария. Именно посредством их мы можем прийти к выводам принципиально иного качества. Основную проблему можно сформулировать так: какие конкретно идеи П. Чаадаева сегодня остро актуальны в процессе формирования белорусского национального самосознания и чем отличаются подходы русского мыслителя

в данном вопросе от тех, которыми оперируем сегодня мы? И первый вопрос прозвучит так: в чём смысл жёсткой критической оценки прошлого России в контексте наших национальных проблем? Оговоримся, что собственно цитирования работ Петра Чаадаева мы будем по возможности избегать – по причине их широкой известности.

1

Нет смысла повторять те известные критические оценки исторического прошлого России, которые были высказаны, главным образом, в первом «Философическом письме» мыслителя (1836). Они широко известны, их цитировали многократно. Но отметим иное: сколь рознится оценка этих резких замечаний в трудах авторов как прошлых веков, так и века нынешнего. И причина этих полярных оценок очевидна: отношение к высказанным Петром Чаадаевым идеям носит концептуальный, методологический характер. В зависимости от той или иной оценки выстраивается собственное понимание философско-исторической проблематики, да и истории страны в целом.

Приведём некоторые показательные примеры. Георгий Флоровский: «Чаадаев идеолог, а не церковник» [1, с. 287], его идеи нельзя рассматривать с точки зрения науки. Отсталость России тоже провиденциальна, но здесь есть «тайна», эта тайна заключается в том, что задача России – «дать разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе». Таким образом, Россия призвана к «всечеловеческому делу». Г. Флоровский «выводит» П. Чаадаева за пределы религиозной философии, традиций религиозного мышления в России, отводя ему роль досужего публициста, идеолога.

Николай Бердяев: «Русское самосознание должно было пройти через это горькое самоотрицание, это был диалектический момент в развитии русской идеи» [2, с. 73]. «Мысли Чаадаева о русской истории, о прошлом России выражены с глубокой болью, это крик отчаяния человека, любящего свою Родину». Для Чаадаева любовь к родине – замечательная вещь, но гораздо важнее любовь к истине. Выдающийся русский философ совершенно верно поставил на первое место в своей оценке идей П. Чаадаева мысль об «отрицании» (диалектике), а также оперировал понятиями «крик», «боль».

Историк философии Николай Лосский обращает внимание на то, что бесплодность исторического прошлого России для Чаадаева была благом: «Русский народ, не будучи скованным окаменелыми формами жизни, обладает свободой духа для выполнения великих задач грядущего» [3, с. 54]. В этом аспекте идеи Петра Чаадаева сближаются с основными постулатами славянофильских теорий при всём известном «западничестве» мыслителя.

А вот уже Василий Розанов, с его привычным балансированием между глубоким провидением сути вещей и эпатажностью: «Чаадаев прав с его отрицанием России, которая умеет только пускать соплю на ту дудку, которую держит во рту» [4, с. 446]. Здесь имеет смысл, вспомнить похожее признание самого Розанова: «Где же наш оригинальный труд в истории? В истории Россия всегда обнаруживалась слабою нацией, как бы слабо отпечатанное на космическом печатном станке. Что за странная жизнь – жизнь «впечатлениями», жизнь подражаниями». Между тем от «призвания князей» и до «социал-демократии» мы прожили именно так. В объём подражательности и ряда подражательности умещается объём всей русской истории. Мы – слабо оригинальная страна, не выразительная» [4, с. 463].

Интересна марксистская трактовка критического пафоса идей Петра Чаадаева. В частности, Г.В. Плеханов полагает, что причиной столь жёсткой критики была «тогдашняя действительность». В этом смысле Чаадаев близок Герцену и, в какой-то мере мы можем говорить о «двух выстрелах в ночи» (вспоминая известное замечание Александра Герцена, согласно которому «Философическое письмо» Чаадаева было «выстрелом в ночи»). Да, автор «Философических писем» мистик, западник и прогрессист, но он является «выразителем той страшной боли, какую вызывала в наших западниках

наша печальная действительность и наша мрачная история» [5, с. 750]. Да и увлечение мистицизмом было «плодом нервной болезни». В этом пункте Г.В. Плеханов фактически поддерживает точку зрения Николая I, объявившего мыслителя сумасшедшим. И традиционно для данной методологии решение поставленных П. Чаадаевым проблем «могло быть найдено только в общественной деятельности», а сам Пётр Яковлевич может быть смело причислен к деятелям российского освободительного движения.

Очень важной для нашего разговора представляется позиция, высказанная в одной из статей Осипом Мандельштамом, выдающимся поэтом излёта Серебряного века. Первое, что надо бы вспомнить: Чаадаеву «хватило мужества сказать России в глаза страшную правду», полагает поэт. Второе: главное, на что обратил внимание Чаадаев, что «мало одной готовности начать историю, её вообще нельзя начать». Нельзя, потому что «не хватает преемственности, единства. Единства не создать, не выдумать, ему не научиться. Где нет его, там в лучшем случае «прогресс», а не история». И третье: «Чаадаев был первым русским, в самом деле идейно побывавшим на Западе и нашедшим дорогу обратно... А сколько нас духовно эмигрировали на Запад! А сколько среди нас – живущих в бессознательном раздвоении, чьё тело здесь, а душа осталась там!» [6, с. 178–179, 184–185]. К этому стоит добавить лишь одно замечание: статья «Пётр Чаадаев» была написана Осипом Мандельштамом в 1914 году.

И, чтобы закрыть краткий библиографический обзор, приведём лишь одно из типичных рассуждений современных российских авторов. Одна из точек зрения представлена так: «Чаадаевский анализ прошлого русского народа, хотя иногда и содержит верные наблюдения, в целом не отражает подлинной истории Отечества», «философ пренебрежительно оценивал любое оригинальное явление, не соответствующее западно-европейским образцам». И далее: «В философии истории Чаадаева всё-таки преобладают мотивы национального нигилизма», «истиной для философа является программа преодоления самобытных начал, отказа от национальных традиций, от православия и от русской культуры в целом, то есть, установки, искажающие правильное познание истории» [7, с. 21–22]. Заметим лишь, что критический анализ такого рода замечаний не составляет цели этой статьи.

Если попытаться обобщить высказанные и иные, не приведённые здесь оценки, то выводы получаются следующие. Петр Чаадаев – это прежде всего мыслитель, теоретик, даже методолог, в том смысле что его идеи послужили основой для формирования самых различных концептуальных теорий, они (мысли) лежат в основе размышлений не одного поколения славянских мыслителей. Он предложил некую эссенцию, духовный концентрат, который многие пробуют «разбавлять» собственными экзерсисами на протяжении вот уже двух веков. Его значение даже не в конкретных критических замечаниях по поводу прошлого и настоящего России, сколько в формировании самой модели критического рассмотрения прошлого страны, самой теоретической возможности модели такого рода. Критика прошлого страны выступает методологическим инструментарием, в том числе в виде метода исследования.

Представляются второстепенными констатации вроде тех, что П. Чаадаев «западник», даже «славянофил», «прогрессист», «умалишённый», «находящийся в депрессии». Как и всякие иные определения такого рода, они мало что дают нам для понимания сути исследуемых вещей, процессов. Вот обращает на себя внимание тот факт, что и Н. Бердяев в своей известной работе «Смысл истории», обращаясь к наследию Петра Чаадаева, фактически ушёл от определений такого рода. Смысл жёстких критических реминисценций автора «Философических писем» передаётся через категории «диалектика», «отрицание», «боль», но никак не «прогрессист» или «депрессивная личность». И это не случайно: «Мы творили от горя и страдания; в основе нашей великой литературы лежала великая скорбь, жажда искупления грехов мира и спасения», – пишет Н. Бердяев [8, с. 143].

Здесь нет ренессансной лёгкости, такого же оптимистического мировосприятия, уверенности в завтрашнем дне. Критический пафос рассуждений П. Чаадаева связан с пониманием «прерыва постепенности» по отношению к национальной истории, отсутствия традиции, обособленности в своём «медвежьем углу». И плохо не то, добавим мы, что этот угол «медвежий», а то, что он «обособлен».

Вообще говоря, увидеть «плохое» в национальной истории – невелика вещь, невелико достижение. Угрюмых мизантропов-теоретиков было и есть предостаточно в нашей стране. Но о Чаадаеве мы говорим с пиететом потому, что он был первым, кто не просто сказал о плачевном состоянии дел, но сказал это концептуально, сказал громко, предложив собственную модель миропонимания. В каком-то смысле его выступление было катарсисом, очищением. Не потому, что в прошлом и настоящем «всё плохо», а потому, что мы признали сущность и характер происходящего и потому получили дополнительные шансы исправить положение дел (понятное дело, тогда, когда мы уверены, что это положение надо бы исправить).

Чаадаев «предложил и ту модель понимания сути вещей, которая может быть «приложена» к логике развития иных стран (имею в виду, конечно же, историю Белоруси). Попробуем разобраться, что же здесь может быть общего.

2

У нас – в интеллектуальной традиции страны – не было своего Чаадаева, т.е. не было человека, который внятно и чётко сказал бы неприятные слова о том, что наше историческое прошлое не столь благостно и позитивно, как это пытаются представить некоторые философы, историки и публицисты. У нас вообще произошла странная аберрация национального сознания, претендующего на значимость и самоценность. То есть оно, это сознание (очевидно, в форме высказываний его конкретных представителей) пыталось доказать собственную ценность исходя из апологии самих себя. Получается, здесь логика известного анекдота, когда девочка говорит: «А моя мама самая красивая». И после паузы: «А я вылитая мама». Намерения при этом самые благородные: ведь формируем национальное государство. А как же сформировать это национальное государство без формирования соответствующего исторического, философского антуража. И с самыми благородными целями создаются исторические фигуры, пишутся замечательные философские портреты, составляются антологии и идёт непрерывный поиск земляков, которые чего-то где-то достигли. И в этом поиске, в этом письме нет ничего зазорного, он понятен и логичен, но при одной важнейшей предпосылке: признании того, что Чаадаев применительно к России называл формулой «любовь к родине прекрасная вещь, но истина дороже».

Если мы признаем этот чаадаевский посыл в качестве методологического основания, то наши оценки собственного исторического прошлого станут более взвешенными, более трезвыми, а наши интеллектуальные предтечи станут выглядеть реальными персонажами, а не фантазмагоричными продуктами нашего воображения. Причём не надо думать, что подобного рода методология востребована именно сейчас, только в авторской интерпретации и до этой поры никто подобным образом вопрос не ставил. В мире философии истории вообще нет ничего нового, что уж тут говорить про предложенный подход. В качестве первого примера приведём замечательную работу историка и этнографа А. Богдановича, отца известного белорусского поэта [9]. Учёный вообще говорит об истории не западного, а «западного» края (с ударением на второй «а»). Белорусские песни – душа народа – «отличаются пришибленностью творчества, духовной бедностью», обряды «или крайне дики с точки зрения современного человека, или грубо фетишистичны», жизнь «свидетельствует о сравнительно невысоком уровне умственного развития» и т.д. А вот талантливый историк, «руссофил» и «западнорусс» М. Коялович: Белоруссия «так бедна, что не может допустить праздных тео-

рий, отвлечённых мечтаний, бедность у нас не только духовная, но и материальная». «Белорусы большей частью небольшого роста, хилы, вялы, бледны» [10, с. 30–33]. Современный белорусский автор Адам Мальдис приводит свою «историографию» вопроса: «Той жа Францішак Багушэвіч усклікаў: «Дурны мужык, як варона». Той жа Янка Купала смуткаваў: «Беларусы ж нічога не маюць». Той жа Максім Гарэцкі ўклаў у вусны Лявона, героя сваёй аповесці «Меланхолія», словы аб тым, што адзіная спадчына ў беларусаў – «куча хатак, як куча гною» [11, с. 4].

Презентация подобных цитат, которые можно продолжать и продолжать, не самоцель. Здесь хотелось бы сделать два замечания. Первое – о том, оскорбляют ли подобные цитаты чувство национального достоинства. Нет, не оскорбляют. Кого, скажем, оскорбил Петр Чаадаев своим «Философическим письмом»? Царя, истэблишмент, словом, власть предрежащих? Оскорбил ли он Александра Пушкина, иных свободно мыслящих людей? Кого хотел оскорбить сам Александр Пушкин, написавший в 1834 году статью «О ничтожестве русской литературы», статью, в которой утверждал, что только одно «Слово о полку Игореве» возвышается в нашем культурном пространстве, как утёс, как уединённый памятник в пустыне нашей словесности? Ни Чаадаев, ни Пушкин не стремились кого бы то ни было оскорбить; они стремились сказать правду так, как они её понимали эту правду, – кто ж против правды-то? И Чаадаев, и Пушкин были искренни, были глубоки и правдивы, и именно поэтому вот уже на протяжении почти двух веков мы их читаем и перечитываем, учим в школе и пытаемся понять, что же хотели сказать эти мятежные духом люди.

И второе: очевидно, нет никакой необходимости сознательно провоцировать публикацию подобных замечаний как приоритетных, как созидательных. Надо признать: критика всегда вторична по отношению к творению, критика вообще «живёт» за счёт творения, критика имеет смысл лишь как попытка выстраивания новой методологии, возможно, как «критика источников», позволяющих по-новому понять и осознать как прошлое, так и настоящее. Причём не надо думать, что подобная постановка вопроса – исключительно наше изобретение. Один из известных швейцарских мыслителей XX века, задаваясь вопросом, откуда «растёт» национальная исключительность, отмечает, что её причины – «в переоценке самих себя». Причём странная вещь: источник переоценки такого рода надо искать в среде интеллектуалов иных стран, чаще всего сопредельных. Так, «в настоящее время в среде швейцарских интеллектуалов процветает отнюдь не шовинизм, скорее преклонение перед иностранцами и чувство собственной неполноценности» [12, с. 46]. Мы можем проследить эту же мысль, обращаясь к такой теме, как наследие польских интеллектуалов, родившихся на территории современной Беларуси.

Скажем, вот Ю.-У. Немцевич, родившийся на территории современного Брестского района Брестской же области. У нас издаются книги, выходят в эфир передачи, посвящённые этому замечательному человеку. «Вот по этой тропинке, – прочувственно говорит ведущий местного телевидения, – маленький Юлий бегал босиком». Его «видели» вот эти столетние дубы и ясени. Весь пафос подобных передач в том, что Немцевич «наш», плоть от плоти, кровь от крови. Пожалуй, «физически» мы можем согласиться с такой постановкой вопроса. Ведь среда, «география» (вспомним классика жанра француза Шарля Монтескье) активно влияет на формирование не только физического, но и духовного облика. Но ведь интеллектуально этот человек имел мало общего с нашей традицией. Он говорил и писал на польском языке. На польском языке думал, признавался в любви. Он учился в Европе и был европейцем – а при чём здесь мы, при чём здесь Беларусь? Слово «белорус» на уровне культуры ему вообще не было знакомо. Здесь как раз тот случай, когда желаемое выдают за действительное. Конечно, о Немцевиче есть что сказать, можно найти родственников и обратиться к их помощи

в части публикации книг о нём – это признанная фигура. Но было бы намного честнее, если бы адепты именно такого подхода видения прошлого и настоящего белорусской культуры обратились к мужику, который сеет, пашет, навоз вывозит: вот здесь всё честно, это действительно плоть от плоти и кровь от крови.

Но тогда закономерно возникает и иной вопрос: получается, что были две культуры: польская и наша, белорусская; культура Немцевичей и культура «мужицкая», культура «от сохи», культура «этнографическая». Так не получается – так есть на самом деле. А нам втолковывают, что культура эта одна и культура эта Немцевичей. Культура Немцевичей – это польская культура, всё отношение которой к культуре нашей заключается в том, что географически и отчасти духовно (как опосредованное творческой личностью восприятие среды) она имела отношение к Брестской земле. Сегодня белорусской, но когда-то – польской и российской. Кстати, никому и ничего не говорит тот факт, что до сегодняшнего дня произведения Немцевича так и не изданы на белорусском языке? И, конечно, речь не только о Немцевиче. Вот открываем, например, замечательную книгу Яна Барщевского «Шляхтич Завальня», написанную в первой половине XIX века. В аннотации читаем: Ян Барщевский – один из создателей современной белорусской литературы. А чуть выше и мелкими буквами написано: перевод с польского языка. По мнению издателей, в такого рода сочетании противоречия нет, а по-моему – есть. Стоит прислушаться к мнению одного из современников и первого критика творений писателя, Ю. Бартошевича: «Баршчэўскі заняў і будзе заўсёды мець сваё месца у польскай літаратуры» [13, с. 364].

Это вообще «большая» для нас тема. Ведь далеко не случайно сформировалось мнение, что для того, чтобы состояться как личность, чтобы сформироваться и заявить о себе, талантливому белорусу надо бы уехать из страны (Российской империи, Речи Посполитой). Именно об этом говорят, кстати, многочисленные работы современных белорусских авторов, которые пишут биографии тех наших известных земляков, которые состоялись за рубежом (вспомним работы А. Мальдиса). Но это предмет для отдельного и очень интересного разговора.

Заключая, отметим, что при всей методологической важности того критического подхода, который наметил и осуществил П. Чаадаев и которым мы в некоторой мере уже воспользовались, сводить всё именно к «критике» всё же нельзя: это было бы неправильно и непродуктивно. Концептуальные идеи, высказанные Петром Чаадаевым, имеют и мощный позитивный подтекст, дают теоретические возможности для формирования интересных философско-исторических идей, имеющих прямое отношение к теме, связанной с формированием белорусского национального самосознания. Обратимся к некоторым из них.

3

Одна из первых проблем – это экуменическая проблематика, хотя, понятное дело, о данном конкретном понятии в трудах мыслителя не было сказано ни слова. Но прежде чем говорить об «объединительной» философии, отметим, что для Чаадаева католицизм был «приоритетен» перед православием по двум основаниям.

Во-первых, католицизм всегда играл в истории активную роль. Религиозные войны, ордена, борьба со светской властью и многое иное – это проявления той активности, которую можно осуждать, но которой не хватает отечественной церкви. То, что отечественные теологи называли в ряду преимуществ православия, для автора «Философических писем» было недостатком. Православие не активно, не исторично в том смысле, что его влияние на мировой исторический процесс недостаточно, да и что ждать иного, когда оно издавна пассивно, созерцательно. Во-вторых, католицизм универсален, охватывает не один регион, а весь земной шар, причём его универ-

сальность не только геополитическая, как мы бы сегодня выразились, но и всеохватывающая в духовном смысле.

Православие же, по мнению Чаадаева, не даёт чувства преемственности развития, в очень узких пределах связано с таким понятием, как «традиция», оно не даёт развиться чувству сопричастности с делами всего человечества (заметим в скобках, что эти же мысли, особенно последняя, высказываются многими теоретиками и сегодня). Причём важно подчеркнуть: мыслитель (лично) не принял католицизма и критично оценивал те попытки такого рода действий, которые ему становились известны. Здесь, кстати, заметна известная близость между отношением критиков к Чаадаеву и В. Соловьёву: автора «Оправдания добра» также упрекали (безосновательно) в том, что он не только теоретически «принял» католицизм, но и практически осуществил данный шаг.

Христианство исторично, но оно же и мистично. Христианство не только нравственная система, но и действенная «божественная сила». Христианство обращено не только к абстрактным нравственным идеалам, христианство должно привести к воплощению этих идеалов нашей жизни, то есть появлению, воплощению Царства Божьего. Тем самым, как справедливо полагает протоиерей В. Зеньковский, «Чаадаев решительно защищает свободу человека, ответственности его за историю (хотя исторический процесс таинственно и движется Промыслом) и потому решительно возражает против суеверной идеи повседневного вмешательства Бога» [14, с. 171].

Какое отношение высказанные идеи имеют к процессу формирования национального самосознания у нас? Тут ведь весь вопрос в том, что характер нашей страны многоконфессиональный и историческое «соперничество» конфессий не досужее изобретение публициста. Собственно, толерантность как определяющая черта национального характера белоруса во многом «выросла» из понимания того факта, что «огнём и мечом» веру не утвердишь, как бы и кто эту веру ни называл и какие бы аргументы ни высказывал. Исторически жёсткое противоборство различных сил, в том числе и тех, кто представлял различные конфессии, – очевидный факт, а гибель многочисленных мучеников за веру – тому прямое подтверждение. С течением времени выкристаллизовалось понимание преимуществ межконфессионального мира, и то, что мы имеем сегодня в этом аспекте, – результат в том числе и такого рода понимания. Но это лишь часть проблемы. Пётр Чаадаев «подсказал» нам одну из важнейших мыслей: актуализация сил народа возможна на пути реализации именно универсальных начал, которые и представляет христианство в его целостности.

Процесс формирования белорусского национального государства продемонстрировал нам, что мы добьёмся много большего на этом пути, сохраняя мир в конфессиональном сообществе, более того, если воспримем идеи христианства не локально, а универсально, как некую целостность, единство, как некую универсальность. Если обратиться к практике уже нашей современной жизни в этом аспекте, то мы легко заметим небывалые раньше моменты: посещение президентом Беларуси А. Лукашенко Ватикана, многократные визиты представителей высших кругов апостольской столицы нашего Минска, активизацию деятельности местных католических общин, заметную пастырскую деятельность архиепископа Т. Кондрусевича и многое иное. Далеко ведь не случайно не столь давно прозвучала (но не была реализована) мысль о встрече в Минске представителей двух ветвей христианства – католичества и православия.

Здесь важен и мессианский контекст, особенно в русле формирования уже сегодня новых наднациональных структур (Евразийский союз). Достаточно хорошо известен тот тезис, согласно которому весь XIX век (да и часть века XX-го) прошли под знаком надежд на особую будущность России, славянства в целом. И Чаадаев был апологетом мессианской идеи. Он размышлял о том, что в России есть преимущество «деятельности почвы», о том, что «отсталость даёт возможность свободы выбора». Универ-

салистские идеи, сторонником которых он был, собственно, не давали ему иного выбора (как и Владимиру Соловьёву с его теократической утопией). Здесь основная мысль звучит следующим парадоксальным образом: поскольку мы в прошлом были слабы, неразвиты, словом, не актуализированы, постольку у нас есть великая будущность. Что в этом суждении нарушены правила движения мысли от основания к следствию (собственно, формальная логика здесь мало востребована), во внимание не принимается. Но, как известно, логика всегда вторична по отношению к мессианским идеям.

Оправдывая такой подход, сам Чаадаев писал в своём первом «Философическом письме», что «мы принадлежим к числу тех наций, которые существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок». Вообще-то он полагал, что время для вступления России на историческое поприще ещё не наступило, да и характер самих «уроков» рисовался ему смутно. Мыслитель говорит о том, что Россия должна взять на себя «инициативу проведения всех великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей и интересов Европы». Надо признать: до сих пор Россия (и славянство в целом) «средоточием умственных интересов Европы» всё же не стало. В этом смысле мессианские уроки П. Чаадаева имеют смысл разве что в ракурсе их критического осмысления: если великая будущность нам и предназначена, то, можем повторить за мыслителем, их время ещё не настало. Но есть и иной смысл в подобного рода рассуждениях: сегодня, формируя идеальную конструкцию Евразийского союза (в отличие от конструкции правовой, экономической, военной и политической), мы мало что говорим о его «великой будущности». Стало больше прагматизма, больше трезвости в рассуждениях – что ж, и за это спасибо Петру Чаадаеву и его великим последователям (Фёдору Достоевскому, Владимиру Соловьёву и иным).

Подытоживая сказанное, признаем, что для развития белорусского национального самосознания Пётр Чаадаев сделал немало. Он подсказал нам замечательную формулу, что любовь к истине выше любви к родине. Что правда всегда предпочтительнее лжи, какими бы благородными и значимыми лозунгами эта ложь ни сопровождалась. Он вообще обратил внимание на ту сторону нашей жизни, нашей деятельности, о которой говорить не принято, она всё время находится в тени, поскольку господствует неверное предположение о том, что правдивая оценка возможностей, роли того или иного народа обязательно принижает этот народ, искажает его благородные черты.

Пётр Чаадаев, конечно, не был «общественным деятелем» в том смысле, какой вкладывает это понятие марксистская теория, но он не был и классическим либералом-западником, которым его тоже готовы представить. Как ни странно это прозвучит, он действительно плоть от плоти нашего интеллектуального поля, нашего интеллектуального сознания с его противоречивостью, формулировкой антиномий и попытками следовать этим антиномиям, стремлением к крайностям, готовностью к самопожертвованию ради истины, сочетанием высокого уровня абстрактного мышления с постановкой вполне прагматичных задач. Возможно, его идеи можно представить как некие «надклассовые», «наднациональные», универсальные и в этом смысле внеличностные, но это тоже будет преувеличением. Он принадлежал своему классу, своей стране, его творчество знаменовало начало философского мышления, и крайне важно, что это начало состоялось именно в критической форме: именно критическое мышление даёт возможность непредвзятой оценки состояния дел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Флоровский, Г.В. Пути русского богословия. Философское пробуждение / Г.В. Флоровский // IX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М. : Наука, 1990. – 528 с.

2. Бердяев, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М. : Наука, 1990. – 528 с.
3. Лосский, Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М. : Советский писатель, 1991. – 479 с.
4. Розанов, В.В. Сочинения / В.В. Розанов. – М. : Советская Россия, 1990. – 592 с.
5. Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. / Г.В. Плеханов: – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1957. – Т. 3. – 784 с.
6. Мандельштам, О. Шум времени / О. Мандельштам. – СПб. : Азбука, 1999. – 382 с.
7. Бенедиктов, Н.А. Философия истории в России – 19 век / Н.А. Бенедиктов [и др.]. – Н. Новгород, 1994. – 221 с.
8. Бердяев, Н. Смысл истории / Н. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 175 с.
9. Богданович, А. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк / А. Богданович. – Минск : Беларусь, 2005. – 186 с.
10. Коялович, М. Чтения по истории Западной России / М. Коялович. – Минск : Белорус. энцикл., 2006. – 480 с.
11. Мальдзіс, А. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі // А. Мальдзіс. – Минск : Лимариус, 2001. – 384 с.
12. Гуггенбюль-Крейг, А. Наивные старцы / А. Гуггенбюль-Крейг. – СПб. : Б.С.К., 1997. – 96 с.
13. Баршчэўскі, Я. Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях / Я. Баршчэўскі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. – 383 с.
14. Зеньковский, В.В. История русской философии / В. Зеньковский. – Л. : Эго, 1991. – Т. 1 – Ч. 1. – 221 с.

Lepeshko V.M. The Ideas of Peter Chaadaev in the Context of Development of Belarusian National Identity

The ideas of Peter Chaadaev that are directly related to the process of formation of national consciousness in our country are analyzed in the article. Critical relation to our own history, building on the basis of this kind of criticism of the conceptual, methodological guidelines are among these ideas. Attention is drawn to the relevant Belarusian context. Attention is drawn to the fact that the concept expressed by Russian scientist is methodological in nature and may be required in the framework of modern social science. The importance of the ideas of the scientist that he believed universal is substantiated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.09.2011